

Стивен не хотел уходить, но годы не дарят никому надежды.

На сорок втором году его жизни в Лог-Сити он упал в обморок во время прогулки.

Когда перед глазами потемнело, он подумал, что, возможно, уйдёт сразу, не успев даже произнести прощальных слов, но, к своему удивлению, он снова открыл глаза.

На запястье лежала всё та же привычная, обжигающая теплота, даже чересчур горячая. А взгляду предстали сидящий у постели молчаливый спутник и белая птица, устроившаяся в изголовье.

Они и правда были похожи на деда и внука, однако нежность во взгляде этого человека, казалось, ничуть не изменилась.

— Брэнд... — с трудом выговорил Стивен.

— Что? — Услышав его ослабевший голос, Сюй Юань приподнялся и, присев на край кровати, приподнял лежащего, усаживая его себе на колени и прижимая к груди.

Его возлюбленный не был худым и высохшим, как многие старики; хоть в волосах и пробивалась седина, но зелёные глаза оставались ясными, без единой помутневшей искры.

И всё же он достиг предела своих сил — не от старости, а из-за нехватки сил в детстве и скрытых ран, полученных в былых приключениях.

Когда-то они иссушили его, и хотя потом казалось, что всё зажило, избавиться от них окончательно было уже невозможно.

— Мистер Брэнд... — Лежащий слабо сжал его запястье; в зелёных глазах по-прежнему плескалась пьянящая нежность, но слова, что сорвались с губ, были другими: — Прошу, забудьте меня.

Сюй Юань замер.

— Помнить человека — так тяжело... — медленно произнёс Стивен.

Вечность — это бесконечные проводы. За свою короткую жизнь — каких-то несколько десятков лет — он проводил бесчисленное множество близких и просто знакомых людей, и каждый раз боль была невыносима. Сколько же таких проводов выпало на долю Брэнда?

Его сердце было таким нежным и таким холодным одновременно. Неужели он тоже боролся с

болью, пока не нашёл способ выжить?

— Обещай мне, — Стивен из последних сил сжал руку того, кто всё ещё молчал.

Раньше он хотел, чтобы его помнили. Но теперь забвение — вот лучший дар для живого.

— Это решать мне, — Сюй Юань провёл ладонью по его волосам, улыбнувшись. — Но не волнуйся, я умею справляться с подобным.

Стивен посмотрел на него и усмехнулся — он знал, что переубедить этого человека почти невозможно, будь то в любви или в разлуке:

— Что ж, пусть будет так.

Его зелёные глаза поднялись к белоснежной птице, сияющей в изголовье. Он слышал о ней давно, но видел впервые — она была безупречно чиста, только взгляд, устремлённый прежде на него, теперь отвёрнут.

Шарадриус отвёл глаза.

Стивен закрыл их.

Рука, сжимавшая запястье, внезапно обмякла, и белая священная птица, взмахнув крыльями, улетела прочь.

Небо медленно темнело, и тело на руках постепенно холодело. Сюй Юань поправил пряди волос на лице того, кого держал. Когда он открыл дверь, вся усадьба погрузилась в безмолвную тьму, лишь мерные шаги раздавались в глубине лесного поместья.

...

Лог-Сити был не только процветающим городом, но и городом легенд и споров.

Говорили, что его первый правитель был купцом. За несколько лет и с огромными средствами он воздвиг величественный и богатый Лог-Сити, обладал сильным войском и множеством торговых судов, что не только приумножило богатство города, но и принесло ему самому несметные сокровища.

Однако спустя два десятка лет этот правитель передал город в руки молодому человеку, не состоявшему с ним в родстве, — второму правителю, Хилари.

Тот унаследовал не только город, но и часть богатства, сильную армию и корабли, благодаря чему Лог-Сити впоследствии расширился, поглощая окрестные земли и превращаясь в королевство. Хотя сам город уже давно можно было назвать государством, со временем он утвердился на западном побережье как грозная держава.

Эта история престолонаследия не была нигде записана; лишь пересказы стариков сохранили её в устной традиции.

Одни говорили, что первый правитель Лог-Сити был прекрасным юношей — многие, увидев его впервые, теряли голову от его взгляда.

Другие утверждали, что он был жестоким и ужасным, что именно он стоял за падением Дасак-Сити, что он ежедневно пил кровь и ел сырое мясо, ходил бок о бок со зверями и обладал невероятной силой и воинским мастерством.

Но всё это лишь слухи; кажется, никто не мог разглядеть его истинное лицо. Единственное, что было бесспорно во всех описаниях, — это его удивительные золотые глаза, прекрасные, словно дар богов.

А что касается его отречения в пользу Хилари, ходила вполне правдоподобная история: он любил мужчину, и так глубоко, что не пожелал жениться и завести детей, а потому передал своё достояние одному из приёмных детей.

— Как романтично, — вздохнула девушка, слушавшая эту историю от странствующего менестреля. — А что было потом?

— Потом, говорят, они удалились в лесную глушь, — ответил менестрель, вертя в руках флейту, но без особого желания играть, потому что посетители трактира предпочитали его музыке слухи о легендарных событиях и золотых сокровищах.

— Я слышал лишь, что он, кажется, усыновил многих детей и был баснословно богат.

— Говорят, король Хилари получил лишь часть его огромного состояния.

— О, небеса, сколько же у него было богатства?

— Должно быть, несметное состояние.

— Если эти сокровища не достались Лог-Сити, то где же они? — оживлённо загалдели наёмники и искатели приключений.

— Возможно, они ушли с ним в могилу.

— А что случилось дальше? — спросила девушка.

— А дальше, конечно, они оба умерли, — улыбнулся менестрель, глядя в её ясные глаза. — Сейчас ведь прошло уже несколько десятков лет.

Даже король Хилари мёртв; теперь правит его внук Эйден.

Глаза девушки померкли, и в них поселилась невысказанная тоска.

Как ни прекрасна и романтична история любви, когда жизнь подходит к концу, всё обращается в прах.

— А я слышал один слух, — сказал кто-то, — будто мистер Брэнд вообще не стареет.

— Как такое возможно? — тут же возразил другой. — Он что, чудовище?

— Может быть, он пил кровь, потому и обрёл бессмертие.

— Если он бессмертен, зачем же ему было отречься, приятель? Это же парадокс, — усмехнулся мужчина с кувшином в руках.

Эти слова заставили того, кто заговорил о бессмертии, замолчать, не найдя, что возразить.

В самом деле, если бы тот правитель обладал вечной жизнью, зачем бы он уступал трон?

Он мог бы править Лог-Сити вечно, сделать его ещё богаче, нанять ещё больше наёмников, завоевать все королевства и стать императором.

Искатель приключений замолк, и глаза девушки, вспыхнувшие было надеждой, снова потускнели.

Те, о ком слагали легенды, давно стали прахом, их души покинули этот мир, и людям остаётся лишь грезить о сокровищах, которые они оставили после себя.

Эти несметные богатства возжелали не только наёмники и искатели приключений — о них грезил даже нынешний правитель. Однако никто не мог проникнуть в лес, где, по слухам, укрылся первый король, потому что чаща была полна ядовитых терний; в ней могли летать разве что кровососущие козлоподобные твари, но человеку там было не пройти.

— Если бы Его Величество смог достать гиппогрифов из Роланского королевства, они, быть может, прорвали бы оборону этого леса.

— Ты имеешь в виду тех крылатых львов-коней, которых выводят в Ролане? Эти звери — страшная драгоценность.

— Главное, чтобы Ролан не прознал про тайну этого леса, а не то они сами явятся за сокровищами.

— Но гиппогрифы вряд ли увезут много золота; лучше бы туда корабли зашли.

— Ха-ха-ха, забавная мысль.

Люди судачили, мечтали, смеялись — наёмники и искатели приключений делали вид, будто не верят в эти байки. Но едва трактир опустел, многие отряды собрались и выступили за городские ворота, направляясь к тому лесу, где, по слухам, были груды золотых монет.

Джаэс был одним из таких искателей. На нём была льняная одежда и кожаный доспех, сшитый из разношёрстных кусков, испещрённых царапинами и потёртостями, но менять их пока что было не на что — его кошелек был пуст.

Собравшись, он наточил свой единственный меч, который хоть что-то стоил, и присоединился к отряду наёмников, направлявшемуся к той мрачной, тёмной чаще.

Если бы ему достался хоть один мешочек золота из сокровищницы, он мог бы лежать на печи и безбедно жить до конца своих дней.

Сокровища, золото — слова, от которых сладко замирало сердце даже во сне.

Издали лес казался чёрным, а вблизи высокие, густые кроны закрывали землю почти полностью, так что даже если кто-то рубил ветви, яркий солнечный свет не проникал внутрь.

Со всех сторон в лес въезжали всадники и входили отряды, сжимая оружие и настороженно оглядываясь.

Хруст сухих веток под ногами, ни света, ни даже ветра — казалось, воздух не проникает сюда.

Каждый затаил дыхание; страх сковал всех. Но едва они двинулись вперёд, как услышали отчаянное ржание лошадей и людские крики.

— На помощь! Спасите!

— О, боже, что это?!

Рёв зверей и запах крови — такой густой, что перебивал даже запах гниющих листьев, — заставили услышавших эти крики не кинуться на выручку, а наоборот, сжать оружие и броситься прочь.

Огромные тернии то и дело рвали одежду и доспехи, шорохи раздавались со всех сторон. Они хотели бежать из леса, но в этой вечной тьме уже не могли найти дороги назад.

Сбивчивое дыхание, паника достигла предела, когда они увидели под слоем сухих листьев груды костей — человеческих и звериных, перемешанных; кровь на них ещё не засохла, но плоть уже была обглодана дочиста.

— Мы здесь умрём? — всхлипнул кто-то.

Страх разлился в воздухе, и многих охватила дрожь.

— Нет! — чьи-то губы дрожали, но голос был резким. — Замолчите! Кто ещё скажет такую ерунду — я убью его сам!

Вопли затихли, но в следующий миг ветви закачались, и в нос ударил резкий запах гнили. Все обернулись. Серая, похожая на птицу тварь с крыльями сидела на плече одного из людей и впилась в его шею пастью, похожей на человеческое лицо. От этого зрелища у всех побежали мурашки по спине. Кто-то попытался проткнуть её мечом, но крюк на конце её хвоста уже вырвался из спины жертвы, орошая всё вокруг кровью, и чудовище вновь скрылось в густых зарослях.

А тот, кого укусили, безжизненно рухнул на листву, с широко открытыми глазами; запах крови разносился в воздухе, но он был уже мёртв.

Всё произошло в мгновение ока, но, даже когда монстр улетел, страх не отпустил искателей.

Он мог вернуться за новой добычей. Твари были причудливы, убивали они чаще всего ради пропитания. Вполне возможно, что тварь просто ждала, пока люди уйдут, или собиралась с силами для новой охоты.

— Ч-что нам делать? — спросил кто-то, задыхаясь от ужаса.

— Что это за чудовище?

— Гарпия... — пробормотал кто-то.

— Нет, нет, мы должны убратся отсюда! — вдруг очнулся один, и его тяжёлое дыхание словно разбудило остальных; они кинулись за ним, не в силах думать, онемев от страха, мчась сквозь

эту чашу.

Но встреча с серой гарпией была лишь началом.

От укулов огромных терний оставались не только кровоточащие раны — тело начинало неметь, и незаметно можно было потерять способность двигаться.

Запах крови привлекал не только диких зверей, но и тех тварей, о которых они слышали лишь в легендах.

Маленькие птички, что впивались в уши.

Головы, похожие на куриные: удар клювом — и кровь в жилах чернела.

Даже если вожак отряда сыпал землю порошком от змей и насекомых, и те держались на расстоянии, существа, скользившие по стволам, плевались ядом, и тот, в кого он попадал, не имел спасения.

— А-а-а-а-а!

— Спаси-и-ите-е-е!

Крики раздавались со всех сторон, но больше было тех, кто не успевал крикнуть, и навеки оставался в этом лесу.

В чаще невозможно было отличить день от ночи. Слабый свет костра едва согревал двоих или троих выживших, возвращая бледным лицам какое-то подобие жизни.

— Может, мы просто сожжём этот лес? — с дрожью в голосе спросил один.

— Хочешь сгореть вместе с нами? — наёмник напротив перевязывал рану и бросил на спрашивающего мрачный взгляд.

Близость смерти делала всех раздражительными. Джаэса волновало другое:

— Мы вообще отсюда выберемся?

Сокровища важны, но от целого отряда осталось трое, а вокруг — свежие трупы.

Даже если бы они нашли клад, смогли бы они им воспользоваться?

От этой мысли оставшиеся трое почти одновременно погрузились в отчаяние. Никогда ещё они не видели такого страшного леса. Гарпии, ибисовые чудовища, василиски, гадюки — бесчисленные змеи — всё было против них. Не успеешь опознать врага, как кто-то уже падает замертво.

Возможно, лес хранил несметные сокровища, потому и охранялся так зорко, но выбраться из него было уже невозможно.

— Это действительно лес того первого правителя? — спросил раненый, настороженно озираясь.

По его мнению, это был лес самого дьявола.

Джаэс хотел ответить, но, подняв голову, увидел, как клыки впились в шею его товарища. Кровь брызнула ему в лицо. Тот попытался сопротивляться, но прямоходящий монстр утащил его во тьму, оставляя кровавый след, и Джаэс лишился дара речи.

Вервольф!

Дыхание перехватило, он дрожал, словно в лихорадке, судорожно сжимая меч, и, забыв обо всём, побежал сквозь чащу.

Он должен жить, он не умрёт! Пусть его кошелек пуст — плевать! Он не хочет погибнуть в этом проклятом месте!!!

Он бежал без остановки. В лесу слышалось лишь его собственное дыхание, но кто знал, что касалось его плеч — ветви, ядовитые клыки, перья чудовищ? Он просто бежал, даже если дороги не было, даже если всё тело онемело, но он был жив.

Если бы ему дали второй шанс, он предпочёл бы таскать ящики в порту, лишь бы не ступать сюда!!!

Острая ветка полоснула по шее; за спиной, казалось, гнались полчища зверей, но нога Джаэса споткнулась о камень, и он рухнул на колени.

Он умрёт!!!

Капли упали на руки. Джаэс хотел стряхнуть их, но понял, что это его собственные слёзы, а не едкий яд.

Но он видел свои руки?

Он моргнул, смахивая слёзы, осмотрел исцарапанные ладони и, подняв глаза на свет, решил было, что вырвался из леса. Но перед ним оказалось старинное, но изящное усадебное здание.

Солнечный свет лился с неба, озаряя его и щедро, в отличие от скупого леса, заливая цветочные клумбы своими лучами.

Вода переливалась, по озеру грациозно плыли лебеди, ветви склонялись к воде, и лепестки, падая в неё, служили кормом рыбам.

Порхали бабочки — это место было подобно раю.

Неужели он выдержал испытание лесом?

Джаэс затаил дыхание, сглотнул и попытался подняться, но почувствовал резкую боль в лодыжке. Он присел на мягкую траву, желая осмотреть рану, и увидел почерневшую, кровоточащую ранку.

Это был укус змеи.

Восторг вмиг угас, и отчаяние снова сжало сердце, оставляя сознание пустым, а высохшие было глаза снова наполнились слезами.

Он умрёт. Ноги онемели; как только яд достигнет сердца, он присоединится к своим товарищам в этом лесу.

Какая тоска.

Джаэс плакал, погружаясь в бездонную печаль, в тысячный раз жалея, что пришёл сюда. Если бы он не пришёл, то сейчас пил бы дешёвое пойло в трактире, горькое и противное, но ведь всё равно лучше...

— Что с вами? — нежный голос донёсся до его слуха, и на миг ему показалось, что это галлюцинация.

Джаэс подумал, что яд уже вызывает видения, но услышал шум шагов по траве и тот же голос, повторившийся:

— Почему вы так горько плачете?

Мягкий голос звучал как тёплый весенний день. Джаэс поднял глаза и замер, увидев перед собой прекрасного, доброго человека, который словно сошёл с райского полотна.

Каким изящным он был! Он явился из того рая, но не выглядел чужим, скорее — божеством, которого не смели потревожить.

Взгляд Джаэса застыл на этих добрых, смеющихся золотых глазах, и, забыв о боли, он выпалил в изумлении:

— Мистер Брэнд?!

— Вы меня знаете? — удивился обладатель золотых глаз, присаживаясь перед ним на корточки, коснулся его раненой лодыжки и тихо произнёс: — Змеиный яд.

— Да, — выдохнул Джаэс, глядя на длинные тонкие пальцы, лежащие на его лодыжке, на контраст этой изящной руки и его собственной грубой кожи, и не знал — восхищаться ли ему или горевать.

Значит, слухи о бессмертии Брэнда были правдой! Но он умрёт здесь.

Какой несправедливый бог.

— Подождите, — сказал Сюй Юань, поднимаясь, и взглянул на грязного, отчаявшегося искателя, погружённого во мрак отчаяния.

Джаэс не ответил — он был слишком поглощён мыслью о неминуемой смерти, и всё вокруг потеряло для него значение.

Когда жизнь вот-вот ускользнёт, все внешние вещи становятся бесполезными.

Но он почувствовал холод на болезненном укусе, поднял голову и увидел, как тот же человек накладывает что-то на его ранку, и всхлипнул:

— Что это...

— Трава от змеиного яда, — Сюй Юань улыбнулся, глядя в его заплаканные глаза. — Не волнуйтесь, вам нужно немного отдохнуть, но смерти не будет.

Его голос успокаивал, но Джаэс всё же переспросил:

— Правда?

— Эту нужно жевать, — Сюй Юань протянул ему ещё одну траву, сорванную неподалёку.

Свежие зелёные листья выглядели сочными. Джаэс, помедлив, взял их, сунул в рот и, прожевав с горьковатым соком, проглотил.

Возможно, трава подействовала — голова перестала кружиться, и онемение отступило.

Чудо спасения ещё не отпустило его, но он мог уже думать о легендарной личности, стоящей перед ним.

Брэнд, первый король Лог-Сити.

Говорили, у него золотые глаза, прекрасное лицо, он живёт в чаще леса под Лог-Сити, но городские легенды давно похоронили его. Однако прошло несколько десятков лет, а на его лице не было ни следа прожитых лет.

Бессмертие. Сокровища.

Джаэс сглотнул и коснулся меча на поясе.

Сюй Юань накладывал повязку на рану, но вдруг почувствовал холод стали у своей шеи. Он замер, поднял взгляд на искателя приключений, чьи глаза ещё были красны от слёз, но теперь в них горела уже не безнадёжность, а жестокость и едва сдерживаемое возбуждение.

— Где сокровище?! — Джаэс почти не дышал, задавая этот вопрос.

Если он получит сокровище и разгадает секрет бессмертия, он обретёт не только богатство, но и власть. Лог-Сити, Ролан, а может, даже весь континент — всё станет его!

<http://bllate.org/book/18299/1946760>